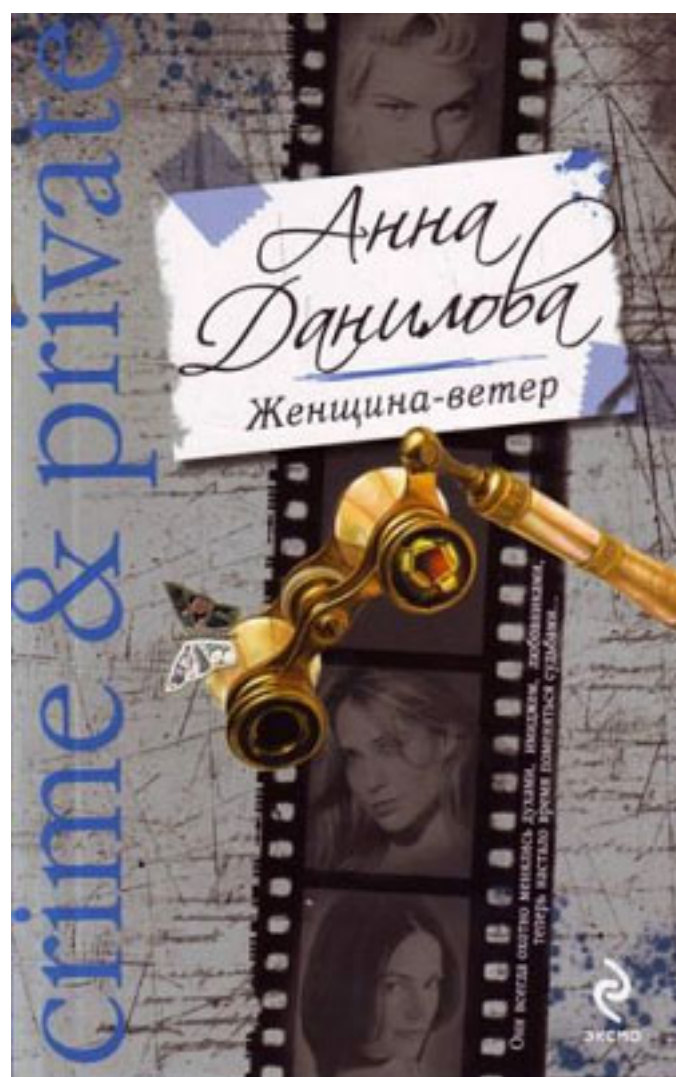

Анна Данилова

Женщина-ветер

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183845
Женщина-ветер: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-31346-4*

Аннотация

Белка и Берта не представляли себе жизни друг без друга с самого детства. Девчонками менялись платьями, игрушками, став девушками – духами, имиджем, любовниками. Но вот настало время поменяться судьбами. Эксцентричная Берта, убив в припадке ярости своего мужа, легко и безрассудно взваливает ответственность на жертвенную Белку. И та, любя и жалея подружку, садится вместо нее в тюрьму. Только там, среди отбросов общества, в грязной, вонючей камере, к ней приходит ясное понимание того, что ее подло и осознанно подставили...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Данилова Женщина-ветер

Дорогой милый Лирес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне – любви –
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

– Изабелла, мать твою, на выход! С вещами! – крикнула толстая веселая надзирательница, звеня ключами и улыбаясь бледными, не знавшими помады, тонкими губами. – Вместо семи лет – три месяца...

И она смачно, выражая таким образом свой восторг и удивление, снова выматерилась.

Меня прошиб пот. Мои соседки по камере притихли и уставились на меня, как если бы на их глазах у меня выросла третья грудь. В серую душную камеру, провонявшую чесноком и мочой, как будто заглянуло янтарное закатное солнце и ворвался свежий морской ветер...

Глава 1

Она не любила свое скромное немецкое имя Берта, как не любила клетчатые платья, белые носки и туфли, вышитые крестом салфетки, вафли, белый шоколад, молоко, степной ковыль (еще ребенком ей внушили, что он, поставленный в банку с водой, ночью душил спящих), лыжи, снег, мороз, выстуженные трамваи, Генделя, этюды Гедике и звучание виолончели. А потому мы в детстве еще договорились, что ее будут звать Беатрисс, а меня, ее лучшую подругу, не Изабелла (как записано в моих метриках), а просто Белка – ореховая душа, с роскошным рыжим хвостом и темными умными глазами. Беатрисс любила все, что хоть каким-то образом подходило к ее новому, бархатистому и офранцузенному имени, – черные прозрачные чулки, короткую стрижку, дорогие сигареты. Я в силу своей природной уступчивости всегда и во всем потакала ей, выгораживала ее, защищала, как могла, и была к ней искренне привязана. Она казалась мне более уязвимой и слабой, чем я, не совсем подготовленной к той жизни, в которой мы плавали как маленькие, пока еще почти незаметные для окружающих бледно-золотые рыбки, а потому я считала своим долгом заботиться о ней и вести ее через расчерченные мелом школьные годы буквально за руку. Берта была талантливой симулянткой, любила разыгрывать из себя больную, особенно часто у нее болело горло. Вместо того чтобы скучать на уроках, она, лежа в постели и утопая в мягких подушках, читала Флобера и Мопассана, Вальтера Скотта и Бальзака, а в паузах между приятным чтением ела подогретый бабушкой-динозавром (ей уже стукнуло сто лет, когда-то давно она была неплохой драматической актрисой и играла в севастопольском театре; теперь же она, высокая, бледная и костлявая, была похожа на смерть, разве что без косы) суп да просматривала домашние задания.

С моим приходом Берта оживлялась, вставала с постели, носилась по квартире и старалась сделать для меня что-нибудь приятное. То угощала меня шоколадными конфетами или куском торта, то дарила какой-нибудь пустяк вроде старой брошки, то давала венгерскую жевательную резинку (крупные, с карамельным вкусом, сладкие разноцветные шарики)... Моя Беатрисс, моя верная подружка, с которой мы ночами, выбравшись из своих городских квартир (петли входных дверей предусмотрительно смазывали машинным маслом!), одетые в черные штапельные балахоны, срезали розы на парковых клумбах... Какие же невинные развлечения! Школьные годы растянулись на полжизни. Мы едва с ней дождались выпускного, шили, глупые, смешные бальные платья, приталенные, длинные, открытые, ждали, что вот теперь-то наши ленивые и слепые одноклассники заметят нас, вчерашних серых мышек, и пригласят на танец, но не пригласили, мы с моей нежной Беатрисс так и простояли торжественно-девственные, нетронутые, как вазы со свежесрезанными розами, никому не нужные и готовые вот-вот разрыдаться, в то время как наши продвинутые, в коротких платьях и размалеванные под хохлому девицы, хлебнув водочки, в пустых классах ночной гулкой школы постанывали в объятьях наших уже зрячих одноклассников...

Изумрудные глаза Беатрисс, ее черные кудри и белую матовую кожу заметили в университете, куда мы с ней поступили, правда, на разные факультеты. У моей подружки появились любовники, разного возраста и положения – и молочной спелости студенты, и присыпанные пылью и перхотью невзрачные профессора. Словно исполняя только ей известный долг перед мужской половиной человечества, она плавно переходила из рук в руки с удивлявшей меня покорностью, нисколько не заботясь о своей репутации и о своем будущем. Она не боялась ни болезней, ни сплетен, не брезговала ни одним положившим на нее глаз самцом. Ей нравилось, что ее желают, и отдавалась мужчинам так, как если бы это входило в правила поведения студенток университета. У меня тоже была своя личная жизнь, но по

сравнению с Беатрисс – вялая и носящая скорее гигиенический характер, нежели связанная как-то с наслаждением или любовью. Моя внешность являла собой полную противоположность внешности подруги. Светлые, отливающие золотом волосы, розовые щеки, карие глаза, узкие бедра и маленькая грудь. У Беатрисс же была рано сформировавшаяся фигура настоящей женщины с красивой налитой грудью, приподнятым округлым задком и призывной походкой профессиональной шлюхи.

И вдруг в один прекрасный день ей словно все это надоело, и она снова вернулась ко мне, к нашим невинным прогулкам по парку, упоительным беседам в кондитерских, бессонным ночевкам друг у дружки и даже совместным посещениям читального зала университетской библиотеки. Она будто наелась мужчин, и теперь ее даже поташнивало при упоминании о каком-нибудь из ее любовников. Оказалось, что моя подружка забеременела. Это было для нее настоящим откровением. Она, как ребенок, словно и не знала, что все эти свидания с мужчинами (на кафедре ли после занятий, в съемных квартирах, гостиницах, у подруг и друзей) могут иметь такие тяжелые и удивительные для нее последствия. Я лично через мамину знакомую нашла ей хорошего доктора, дала ей денег и проводила на аборт. Потом ее (онемевшую, заплаканную, будто проснувшуюся не от наркоза, а от самой себя) на такси привезла к себе домой и ухаживала за ней, как за тяжелобольной. Тогда же Беатрисс, склонная к истерии, розовая от температуры и волнения, поклялась мне измениться, начать другую жизнь, выйти замуж за хорошего парня и зажить счастливой семейной жизнью. Если бы кто слышал ее, подумал бы, что она разучивает отрывок из какой-то бездарной советской пьесы, причем читает этот отрывок, издеваясь над авторским текстом и про себя хохоча над своей же героиней, – настолько это было пошло и смешно. Конечно, я ей не поверила, да и какая разница, думала я, будет и дальше она ходить по рукам или действительно выйдет замуж за нормального парня – главное, что она пережила аборт, не покончила с собой (о чем она как-то вскользь проговорила), не раскисла, а готова была жить дальше. Понятное дело, что, оправившись после операции, она вернулась к прежнему образу жизни, вот только в сумочке ее теперь помимо пудры, помады, духов и носового платка лежала коробочка с противозачаточными таблетками.

Лето мы проводили на море, ездили дикарями в Сочи, снимали в пригороде домик и откровенно валяли дурака. Купались, объедались персиками, жарились на солнце и отчаянно флиртовали с такими же скучающими парнями, как и мы. Пили с ними вино в маленьких закусных, играли в карты и нарды, целовались, лежа на песке, до одури, до утра, до первых бледных лучей солнца... Еще там, на море, я стала замечать одну странную особенность Беатрисс: ей нравились мои сандалии, мои шляпы, солнечные очки, сумки, мои рыжие волосы, рыжие глаза и мои – самые разные – мужчины. Ей всегда казалось, что то, что принадлежит мне, ведь могло бы принадлежать и ей, да только вот она что-то как будто замешкалась и выбрала не ту вещь, не того мужчину, а потому откровенно завидовала моему выбору и быстро остывала к своему. Она страдала, и я не знала, чем могу ей помочь. Отдать ей свою шляпу? Свой крем для загара? Своего августовского любовника? Ну не смешно ли?! Смешно не смешно, но именно так и заканчивались ее многочисленные немые просьбы...

Интересный случай произошел с нами в одном маленьком волжском городке, куда нас пригласила ее однокурсница. Пригласила, да и бросила. Сначала мы шестнадцать часов маялись в душном поезде до областного центра, потом мчались в жарком огромном «Икарусе», она нас встретила, накормила обедом, привела на местный, изумительной красоты и чистоты пляж и бросила. Просто ушла, прихватив с собой подстилку, словно что-то вспомнив или, наоборот, забыв... Очень странная особа. Мы долго лежали еще на песке, играя в карты и поглядывая по сторонам, но никого интересного (это был обычный небольшой городской пляж с визжащими и плещущимися в воде детьми, играющей в волейбол загорелой моло-

дежью и поджаривающимися на солнце скучающими одинокими дамами), за исключением человека-орангутанга (молодого высокого армянина, заросшего густой черной шерстью), не заметили. Утомившись и проголодавшись, мы решили сначала вздремнуть, а уж потом тащиться на автовокзал со слабой надеждой сесть в какой-нибудь проходящий автобус, который довез бы нас до областного центра, где мы надеялись снять номер в гостинице. Мы были очень молоды и не особенно-то переживали по поводу нашей временной неустроенности. Уж в крайнем случае заявили бы к нашей странной приятельнице и завалились бы спать у нее.

И вдруг перед нами выросли две мужские фигуры. Удивлению нашему не было предела, когда выяснилось, что они тоже из Москвы. Один из них Захар, начинающий хирург (в этом городке у него живет и работает отец, также хирург), а другой Марк, адвокат. Они были в отпуске и намеревались провести эту ночь в районной больнице, подежурить вместо отца Захара. Они пригласили нас с собой, и мы восприняли это как подарок судьбы. Что может быть интереснее, чем провести ночь в хирургическом отделении почти деревенской больницы, да еще и с двумя москвичами! Для начала мы поужинали в кафе блинами с мясом и компотом, после чего, уставшие от безделья, жары и свежего воздуха, намаявшись в чужом городе, благополучно добрались до расположенной на самой окраине города больницы. Белые одноэтажные корпуса были огорожены ярко-зеленым, свежескрашенным металлическим заборчиком. Вокруг этого маленького клинического городка расположилось несколько двухэтажных новых коттеджей, а за ними – лес и Волга с орущими гортанным фарфоровым тремоло лягушками...

Глава 2

Я вышла из тюрьмы... Остались позади ненавистные мне мощные ворота... Я стояла и со смешанным чувством тревоги и надежды ждала чего-то... Жара. Духота. Кто был в тюрьме, тому не надо объяснять, что значит человека отпустили на свободу... Как дикого зверя в лес. Мне бы теперь добраться до Москвы, а до этого – помыться, привести себя в человеческий вид... Как же пожалела, что состригла свои длинные золотые волосы. Но как я там, за решеткой, в камере, набитой моими товарками, ухаживала бы за своим богатством? Где бы находила шампуни, бальзамы, фен? Ко мне ведь никто не приходил, за исключением Марка... Но разве нам с ним было до моих волос? Что бы с ними стало за семь отпущенных мне правосудием лет? Выдрали бы в жестокой драке (я теперь знаю, как дерутся женщины, так и норовят схватить за волосы, изуродовать лицо или бьют в низ живота), или, в лучшем случае, они сами очень скоро за отсутствием нормального питания, витаминов и хороших шампуней все вылезли бы.

Я стояла и смотрела на дорогу. В джинсах, растрепанная, в сандалиях на босу ногу, красной майке, одолженной мне одной из сокамерниц (меня привезли в порванной одежде, кажется, я сильно брыкалась)... Беатрисс, спасибо тебе, подружка, за нож в кармане куртки... Но я не выдам тебя, не бойся...

Вот так в этом маленьком волжском городке мы познакомились с Захаром и Марком. Нас было четверо в ординаторской. Сначала мы просто пили пиво. Все, кроме Захара. Потом привезли парня – разбился на мотоцикле – со сломанной ключицей и срезанной пяткой. Мы с подвыпившей Беатрисс ввалились в перевязочную и смотрели, как Захар заливает раны перекисью, слушали, как матерится вдрызг пьяный горе-мотоциклист, а затем, уже после полуночи, в ординаторскую, где мы ели копченых жирных лещей, запивая прохладным пивом, заглянула медсестра и сообщила, что привезли больного с аппендицитом.

Толстый, грязный крестьянин, в бешеном темпе подготовленный к операции, лежал на столе и тоже матерился. Все вокруг матерились. Захар обложил коричневую от йода поверхность живота своего пациента марлевыми стерильными повязками и достал скальпель... Беатрисс моя грохнулась в обморок. Марк унес ее, я же продолжала наблюдать... Но когда из разреза полезли желтые мягкие полоски жира, и у меня закружилась голова...

Ближе к трем часам ночи в ординаторской, пропитанной запахами пива и лекарств, откуда-то появились бисквиты и чай. Я смотрела на Беатрисс, она – на меня. Глаза ее спрашивали: ты с кем хочешь быть, с Марком или Захаром? Я сразу выбрала Марка, когда еще только увидела их там, на пляже, но, зная сложный характер своей подружки, пожала плечами, уступая ей право выбора. В любом случае это всего лишь развлечение, игра, очередная веселая ночевка...

Если бы я тогда выбрала Марка, она сразу же стала бы заигрывать с ним, сначала тонко, умно, изящно, лениво, а потом грубо, вульгарно, так, как это любят мужчины, когда знают, что больше не увидят эту женщину...

– Захар, он... У него такие руки... Как представляю, что он ими только что резал человека, меня сразу заводит... – говорила она, мечтательно закатив глаза к потолку.

Я смотрела на Беатрисс, на лбу ее выступил пот, ноздри трепетали в предвкушении любви, темно-зеленые глаза ее сделались еще темнее, стали почти черными, а волосы закрутились тугими локонами вокруг разругавшегося лица. Она была так красива в эту минуту, моя подружка, что я мысленно отдала ее и Марку, и Захару...

– Мне тоже нравится хирург, – прошептала я, делая вид, что забыла, как его зовут.

...Я все еще стояла возле ворот и жмурилась на солнце. Дышала полной грудью. А в ушах стоял ее крик, крик моей Беатрисс:

– Белка, открой, немедленно открой!.. Проснись! Открой, я убила мужа, я убила Захара, убила... – скреблась она под моей дверью в половине четвертого утра. – Белка, помоги мне, не бросай меня, мы должны его спрятать... Он не дышит. Я ударила его в живот и, кажется, в грудь, где сердце... не бросай меня, я не хочу в тюрьму, ведь ты же не бросишь меня?

Мягко шурша шинами по гравию, остановилась подле меня длинная черная машина. Пыльная, но дорогая. Как в кино! Опустилось стекло, и мужская рука, волосатая, белая, холеная, протянула мне конверт и телефон.

Я, как и подобает правилам киношной игры, взяла телефон, сунула большой и тяжелый конверт под мышку, но, даже понимая, что все ждут звонка, все равно вздрогнула, услышав переливчатый сигнал. Включила. И сразу же раздался голос Беатрисс:

– Белка, поздравляю... – голос тихий, придушенный.

– Привет, Беатрисс, – хрипло, волнуясь, ответила я. – Что скажешь, подружка?

– Там, в конверте, деньги. Не очень уж много, но на первое время хватит... Я не хочу, чтобы ты ненавидела меня, чтобы искала, мстила, не хочу, чтобы ты убила меня... Ты же и так все поняла. Если хочешь, приезжай, я буду ждать тебя еще три дня на старой квартире... С ума сойду от волнения в ожидании... Но не надо, а...

– Не бойся, ты же знаешь, я всегда тебя любила и буду любить...

– Значит, приедешь? – захныкала она. – Ну, прости меня, прости...

– Да я простила тебя еще там, когда вспыхнул свет... Не бойся меня. Ты же никогда не боялась меня. Ты всегда просила меня о помощи...

Я отключила телефон – не было больше сил говорить.

– Передайте ей, что я принимаю деньги, – сказала я, даже не заглянув внутрь конверта.

Беатрисс всегда была щедрой, еще со школьных времен, когда кормила меня конфетами и пирожными. Ей ничего не было жалко для меня, даже вонючей тюремной камеры...

Машина исчезла, оставив вместо себя облако пыли и желтый, с шашечками на боках автомобиль-мечту. Усатый, с добродушной мордой толстяк, похожий на тюленя, перевалившись в мою сторону, распахнул дверцу, приглашая сесть:

– Куда едем?

Мне надо было на вокзал. А оттуда – в Москву. Три месяца – к черту! Знает ли Марк, где я?

Я устроилась на заднем сиденье. Машина тронулась, я вскрыла толстый конверт. Негусто. Две тысячи долларов плюс новенький мобильник. Спустя полтора часа, в течение которых я глазела на расплывающуюся и дрожащую от зноя степь, он ожил, взорвался популярной, навязшей на зубах мелодией. Кто выбрал для меня эти темпераментные мальчишеские позывные? Человек из черного авто? Телохранитель Беатрисс? Новый муж? Новый (старый, не очень) любовник? Это звонил Марк.

– Жду тебя, – услышала я, и слезы, которые я копила три месяца, прорвались, затопили красную майку, дошли до выступающих ребер... Я похудела, Беатрисс. Не на килограммы, а на месяцы, недели, дни, часы, минуты и так далее... Вряд ли ты увидела бы меня через год. Я растворилась бы сама в себе, сдулась бы, как воздушный шарик. Сморщилась бы и исчезла. Камера – не для таких чистеньких и благополучных девочек, как я. Ты знаешь об этом, поэтому и прислала ко мне своего троплодита в черной машине с конвертом... Боишься? А ты не бойся. Это не родители, это я воспитала тебя такой. Вот и расхлебываю.

Ты, Беатрисс, все-таки подцепила, заглотила своим ярко-красным, словно обгаренным кровью хищницы, ртом Захара. Вцепилась в него мертвой хваткой и уволокла, сверкая сво-

ими изумрудными, голодными глазищами, в комнату с холодными диванами и толстыми, под цвет твоих глаз, больничными шерстяными одеялами. Бедный Захар, если бы он знал тогда, чем закончится для него эта бурная ночь! После напряженного дежурства утро с ненасытной и знающей толк в любви Беатрисс! Сколько же сигарет ты выкурила тогда, когда вы, мокрые и утомленные, лежали, прижавшись друг к другу, и ты рассказывала Захару свою заполненную до краев учебниками и сессиями университетскую жизнь? (Представляю, сколько пачек сигарет ты выкурила бы, если бы рассказывала о своей университетской половой жизни!)

Мы с Марком целовались и не могли оторваться друг от друга. Я сказала ему, что замужем и очень люблю своего мужа, закройщика. Сама не знаю, что несла. Остановиться не могла. Он был такой взрослый, умный, а я студентка, согласившаяся переночевать в ординаторской... Не хотелось казаться пошлой. И только утром, когда мы уже засыпали, не получив желаемого, но обнявшись, нежно обнявшись, я тихо всплакнула из-за невозможности повторить эту чудесную, полную неожиданностей и самообмана ночь... Мне все казалось, что Беатрисс не остановится и, получив Захара, примется своими молодыми острыми зубками и за Марка. Мне было бы трудно выбирать между Марком и Беатрисс.

Но она не успела, хотя и поняла, что мы с Марком провели ночь вместе. Скорее всего, весь путь до Москвы (наши каникулы уже заканчивались) она только и думала о том, не прогадала ли, выбрав Захара, может, надо было бы там, в комнате с зелеными одеялами, заняться Марком? Но мы об этом не говорили. Ели купленные на станции персики, яблоки, молодую картошку с укропом, малосольные огурцы и мучились животами. Приехали в Москву похудевшие, загорелые и, можно сказать, отдохнувшие. В первый же учебный день Беатрисс отвесила оплеуху той самой своей приятельнице, бросившей нас на пляже. Потом выяснилось, что у подружки этой в тот день, когда она оставила нас, умерла мать. Она что-то почувствовала и ушла, забыв про нас... Когда Беатрисс об этом узнала, написала ей письмо, в котором просила прощения, и подарила ей золотое колечко с топазом. Она была очень эмоциональная, живая, резко реагирующая буквально на все – на скрежет трамвайных колес, шум листвы, плач ребенка, стоны через стенку...

Глава 3

Она вышла замуж за Захара в том же году, осенью. Сказала, что любит его, что только с ним чувствует себя защищенной, спокойной и ее не тянет на подвиги. Вот так и сказала. Значило ли это, что Захар, этот великан с русыми кудрявыми волосами и добрыми глазами человека, видевшего смерть, устраивал ее как мужчина или же ей было просто стыдно ему изменять, я так и не поняла. Для меня главным было то, что моя подружка счастлива. Что она по-прежнему весела и полна жизни.

С Марком мы тоже время от времени встречались, но я так и не призналась ему, что не замужем, а Беатрисс (надо ей отдать должное) ни разу не выдала меня. Шло время, у нас с закройщиком уже могли бы появиться дети, но почему-то не появлялись. Я жила одна на Садовнической улице, в небольшой, хорошо обставленной квартире, уставленной кадками с растениями, и Марк, часто провожавший меня, ни разу так и не поднялся... Я сходилась с ума от любви к нему, видела, что и он любит меня, но самое большое, что мы могли позволить себе, – это походы в кино (как пионеры), прогулки по садам и паркам Москвы и дальние вылазки на электричке за город, к нему на дачу. Понимала ли я, что только таким вот образом могу сохранить его для себя? Что стоит мне только признаться ему, что я свободна, что у меня никогда в жизни не было никакого закройщика, как Беатрисс, моя верная Беатрисс, тотчас возникнет между нами, как пограничный столб, и разъединит нас, как сиамских близнецов. Разрежет по живому. Хотя при чем здесь моя подруга? Она была благополучна, счастлива и находилась в том умиротворенном состоянии, которое предшествует беременности. Может, я боялась чего-то другого? Что прошло так много времени, а я запуталась во лжи? Что Марк никогда не простит мне того, что я попросту выдумала этого закройщика? Или же, в чем я всегда боялась себе признаться, став любовницей Марка, я лишусь удовольствия того сладкого напряжения, эротического магнетизма, что испытывали мы оба, находясь друг с другом и едва касаясь руками, пальцами, щеками, обмениваясь дыханием при поцелуях... Не это ли и составляет истинную ценность влюбленных друг в друга людей? Спать под шум дождя на широкой дачной кровати, под одним одеялом, прижавшись друг к другу, – не это ли мазохистская проверка темперамента, сродни жгучему, концентрированному наркотику? Или же это самая совершенная из всех существующих на земле глупостей? Я бы согласилась на все, будь Марк понастойчивее... Но я боялась, что и он ценит в наших отношениях недоговоренность, недоцелованность, недосовокупленность... Беатрисс же открыто заявляла, что мы извращенцы, каких свет не видывал, и что так можно довести мужчину до инфаркта, если я вообще не превратила его в импотента.

Они жили с Захаром в его двухкомнатной квартире, время от времени приглашали к себе в гости его друзей-докторов с женами и детьми или сами с удовольствием ходили к ним же в гости. Во всяком случае, так рассказывала об этом Беатрисс. Для нее каждое такое, на мой взгляд, наискуднейшее мероприятие было чуть ли не событием в жизни, к которому она основательно готовилась – шила новое платье, делала маникюр... Она тщательно скрывала от меня свою бедность, ей было стыдно признаться в том, что у них подчас нет денег на курицу, что они вторую неделю едят одну картошку. И что маникюр она давно уже делает себе сама, и что два последних платья тоже сшила собственными руками, и духи ей подавали еще в прошлом году... Я никогда не спрашивала подругу, почему она нигде не работает, хотя могла бы при желании устроиться с ее биологическим образованием в школу или какой-нибудь лицей. Устроилась же я с филологическим образованием в нашу же, университетскую, библиотеку! Думаю, она, достаточно хорошо зная себя, не хотела возвращаться в свою прежнюю, полную приключений и острых ощущений жизнь. Она сама себя заперла дома и терпела нищету исключительно из-за своего глубоко семейного чувства к Захару. Я не

представляла, сколько она так еще выдержит, и, по правде сказать, не узнавала свою роковую Беатрисс. Она по-прежнему носила черные прозрачные чулки (на это у нее всегда находились денежки), стриглась у хорошего парикмахера и donaшивала старые, но еще довольно приличные австрийские туфельки. Курить она стала реже, но обзавелась большой хрустальной пепельницей и серебряным портсигаром. Она изо всех сил пыталась оставаться такой, какой ее знала я... Наша игра продолжалась.

Симпатия-таксист домчал меня до станции, содрал с меня приличную сумму (потом я узнала, что дорога до железной дороги была оплачена волосатым монстром из черного автомобиля) и, насажав новых пассажиров, уехал. Я купила билет на поезд и села ждать на станции, где было прохладнее, хоть и воняло плесенью и уборной.

Глубинка России – вот место, в котором я оказалась по случаю, устроенному мне моей же подружкой с вычурным и очень красивым именем Беатрисс. Я, прижав к груди потрепанный холщовый рюкзачок (еще один подарочек сокамерниц, наверно, до сих пор не пришедших в себя после моего неожиданного, фантастического вызволения), в котором преспокойно лежали теперь уже неполные две тысячи баксов, откинулась на спинку деревянного, страшно неудобного кресла и попыталась представить себе, что же могло произойти пять месяцев тому назад в квартире, где жила Беатрисс. И как могло случиться, что Захара убили. Марк рассказывал, что похороны были пышные, что люди рыдали, провожая его в последний путь... Марк и раньше говорил мне, что гибель Захара – следствие смерти одного из его пациентов, что на операционном столе, случается, умирают, что хирурги – обычные люди, а родственники погибших на столе пациентов иногда мстят врачам. Но Марк говорил это таким неуверенным голосом, что я не поверила. Однако именно по этой причине, другими словами, за недостаточностью улики и наспех состряпанному делу, в котором не было ничего, кроме подложенного в карман моей куртки ножа (в крови Захара, между прочим, это доказано экспертизой), меня и выпустили на свободу.

У меня внутри все зудело от неумного желания позвонить Марку и поговорить с ним. Но он и так знает, что я сижу сейчас где-то на станции и жду поезда, а то и еду... Почему бы ему самому не позвонить?

И вдруг позвонил. Словно услышав мой внутренний, полный слез и горечи монолог.

– Привет, как ты?

Голос родной до судорог, до горячей волны между лопатками.

– Марк, сижу вот на станции, жду поезда. Буду в Москве завтра утром...

– Я встречу тебя, – он даже не дослушал меня. – Я уже мысленно стою на вокзале и встречаю твой поезд, и вижу тебя... Как же я соскучился, если бы ты только знала...

– Это ты меня вызволил, тебе спасибо, что бы я без тебя делала?

– Это твой закройщик...

Я разрыдалась.

– И думала, что я не знаю... Дурацкая, растянутая на три года игра в замужество. Изабелла, не реви. У тебя есть с собой носовой платок?

– Нет. Только салфетки. Бумажные. У меня вообще ничего нет, кроме... – И я в двух словах рассказала ему о деньгах. В темноватом помещении станции я была единственным пассажиром, а потому могла спокойно говорить, правда, тихо.

– Ну и правильно. Сначала надо выяснить, а уж потом... – поддержал меня Марк.

– Я не смогу ей мстить, больше того, скажешь, что я дура, но я хочу увидеть ее. Я так по ней соскучилась. Я не верю, что это она, не верю...

– Твое дело. Грязное дело. Мерзкое дело. Захара жалко. Он был хорошим другом. Прекрасным врачом. Талантливым хирургом. Думаю, твоя подружка была с ним счастлива. Несмотря ни на что.

– Но она сама сказала мне...

– Она фантазерка, во-первых. Во-вторых, истеричка. Она шизоидальная особь... Открой глаза... Да ладно, с тобой бесполезно говорить. Ты и меня терзала целых три года рассказами о каком-то портном. Ты смешная, Изабелла.

– Хорошо, что хоть ты называешь меня моим полным именем. – По щекам моим текли слезы.

– Ты сама придумала «Белку», вот и грызи свои орехи. Только смотри зубы не сломай... А теперь возьми себя в руки, успокойся, дождись поезда, садись и лети ко мне, прямо в мои объятия... Закройщик погиб, слава тебе господи... Ты теперь дважды свободна. Я целую тебя, моя Белла...

Я поцеловала телефон. Он был теплый – я крепко держала его в своей ладони. Так крепко, что чуть не раздавила. Думала, что чем сильнее я его держу, тем громче станет голос Марка.

Голод. Я почувствовала голод. До поезда было еще целых два часа. Вышла на перрон, увидела старуху с яблоками. Купила. Спросила, чистые ли. У нее же, оказывается, были и пирожки. Теплые. А начинка яблочная, розовая, густая, с корицей. В буфете к пирожкам нашелся и сладкий горячий чай.

– Как в ваш карман попал этот нож?

Следователь, смертельно уставший, прокуренный насквозь, кажется, что вот-вот из его пор повалит горький синий дым, смотрел куда-то мимо меня.

– Да откуда мне знать, как он ко мне попал. Должно быть, кто-то подложил.

Я вела себя еще пока вызывающе, ждала, что вот-вот все прояснится, откуда-то из темного угла квартиры Пожаровых (это была фамилия Захара) выйдет убийца и, ослепленный ярким светом, как застигнутая врасплох крыса, заслонится руками, а на них тут же наденут эти киношные, но такие холодные и унижительные для любого нормального человека браслеты. Наручники. Я сидела в наручниках. Как опасная преступница. Мне было смешно. Это был, понятное дело, истеричный смех. Он дрожал где-то в животе, отчего мне казалось, что и свитер мой тоже подрагивает, посмеивается над следователем и вообще над всем, что сейчас происходит. Куда подевалась Беатрисс?

У меня язык не поворачивался рассказать правду. Настолько она была нелепа. И я ждала, я еще долго буду ждать, когда же все прояснится и моя подруга сама расскажет, кого же она застала в квартире. Кого? Неужели у нее снова, как вши, завелись любовники? А ведь Захар вытравил их из ее жизни, раздавил гнид, вымыл и расчесал ее жизнь... Мне кажется, он знал о прошлом своей жены, но старался об этом не думать. У него было и других проблем много. Пациенты. Операции. Бессонные ночи. Дежурства.

«Знаешь, – говорила мне не раз Беатрисс, – я не выношу уже этого запаха. Я не могу спать с ним в одной постели. Мне кажется, что я в операционной и он сейчас зарежет меня...» Она впечатлительная, эта Беатрисс. Но она терпела и запах, и Захара, ведь теперь он зарабатывал большие деньги. И моя подруга больше не пользовалась своими уже затупившимися щипчиками для маникюра, она сама ездила на машине в салон, где ее приводили в порядок... Теперь она звонила мне не только чтобы пригласить прошвырнуться по магазинам, купить кое-что по мелочи вроде пудры или новой блузки или посидеть в кафе, просьбы ее стали более серьезными и интересными – мы ездили с ней по Москве и выбирали новую мебель, зеркала и сантехнику, ковры и портьеры...

– Изабелла. – Следователь словно выплюнул мое имя. Первый допрос происходил в квартире Пожаровых, в кухне, в нескольких шагах от места преступления: в спальне ковер был еще влажный от крови, тело Захара уже вынесли, его жену разыскали, она собиралась

ночевать у своей знакомой. – Вы, надеюсь, понимаете, что я сижу вот здесь перед вами не для того, чтобы рассказывать анекдоты...

Вот осел! Как будто у меня нет более приятного занятия, чем быть объектом пристального внимания полуспившегося следователя прокуратуры, возмнившего себя крупным специалистом по убийствам. Меня, что называется, повязали на месте преступления, скрутили мне руки и надели наручники. В кармане моей куртки обнаружили улику – небольшой кухонный нож, которым Беатрисс обычно резала мясо. Нож немецкий, с отличной сталью, не требующий особой заточки, просто-таки великолепный нож, мечта всякой хозяйки... Мечта всякого умеющего обращаться с ножом невротика-убийцы? Жаль только, что на лезвии этого чудо-ножа нет желобка для стока крови. Для твоей крови, бедный Захар.

Глава 4

Вымыться в туалете даже хорошего купейного вагона практически невозможно. Но другого варианта у меня не было. Мне оставалось одно – все же попытаться вымыться теплой водой из заплыванного туалетного умывальника, прыскавая себе в ладонь нажимом на тугой кран. Я разделась и повесила одежду на крюк, вспомнив, что не догадалась купить на станции шампунь, намочила свои короткие, торчащие в разные стороны волосы и принялась их намыливать розовым брусочком земляничного мыла. Волосы не намыливались...

Когда я вышла из туалета, в коридоре уже образовалась целая очередь. Почему-то всем приспичило именно в этот туалет, а ведь в другом конце вагона можно было сделать все свои дела в туалете-близнеце. Стараясь не слышать шипение и возмущенные голоса пассажиров, догадавшихся, чем я могла заниматься там в течение целого часа (видимо, проводники куда-то отлучились, иначе туалет бы давно вскрыли, а меня уличили бы в том, что я превратила туалет в помывочную), я вернулась в свое купе и принялась сушить волосы тонким, похожим на марлевую повязку, положенным мне в комплекте с постельным бельем полотенцем. Относительно чистая, я почувствовала огромное облегчение, и даже волосы мои заблестели при электрическом свете. Я ехала в Москву, к Марку, у меня было немного денег... К тому же на Садовнической улице меня ждала моя квартира. Я старалась не загадывать далеко вперед – насчет работы и моего денежного положения, но возвращаться в университетскую библиотеку я не собиралась. И дело было даже не в том, что все стали бы показывать на меня пальцами, вот, мол, ее оправдали, а ведь она сидела в тюрьме по обвинению в убийстве своего любовника... Захар, ты помнишь, как все было?

Беатрисс повадилась ходить к другу Захара, Валентину Рожкову, и его жене Людмиле, у которых росло двое прелестных мальчиков-погодков, похожих на розовых, с полотен Ватто или Буше, ангелочков. Ей нравилось, рассказывала она, сидеть допоздна на просторной кухне этой семьи, помогая Людмиле готовить или что-то чинить, подшивать, нравился запах подгоревшего молока, которым была пропитана кухня. Нравился постоянный беспорядок, который устраивали толстенькие, лобастые, задастые крошки. Она с ума сходила, когда ей позволялось поухаживать за детьми, прикоснуться к ним своими чисто вымытыми руками. Захар, возвращаясь после работы домой, уставший, голодный, находил квартиру пустой, а в холодильнике – холодный ужин. Жену и упрекнуть-то вроде было не в чем – она была известно где: он звонил Рожковым, Беатрисс подходила к телефону, извинялась, что припозднилась и что уже ночь, она останется у них ночевать, потом трубку брали или Людмила, или сам Рожков, просили за Бертю, извинялись за нее... Не у любовника же она была. Но дома-то ее не было!

Беатрисс в разговорах о семье Рожковых менялась. Ее невозможно было узнать. Она в таких подробностях рассказывала мне о малышах, о той приятной для нее возне с ними, что меня начинало тошнить от этой розовой сентиментальности, от этих чужих детских слюней и соплей. Беатрисс, ты ли это? И тогда она вздыхала и брала сигарету. Вот такой она нравилась мне больше. Инстинкт материнства бил в ней ключом, не находя выхода. По всем прогнозам врачей, она могла родить, но, давно уже бросив пить свои таблетки, все равно не беременела. Захар, медик, проверился – он был здоров и мог иметь детей...

Захар, как жаль, что ты не слышишь меня и больше никогда не увидишь. И мы не сможем вспомнить с тобой тот синий морозный январский вечерок, когда я заглянула к вам просто так. Марк уехал по делам куда-то в провинцию, а мне так хотелось с кем-нибудь поговорить, выпить немного вина... Конечно, я ехала в первую очередь к Беатрисс, тем более

что заранее созвонилась с ней и договорилась о встрече. Разве что она забыла и поехала к своим Рожковым.

– Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы без своего адвоката, – вдруг очнулась я, когда поняла, что Беатрисс и не думает ничего рассказывать, глядя на меня с таким ужасом, словно я действительно убила ее мужа, а она все то время, что мы с ней находились здесь, в ее квартире, была у Рожковых, помогала Людмиле печь печенье.

И все равно. Не искушенная в подобных делах, я до последнего ждала какого-то решительного шага с ее стороны, какой-то подсказки, но она старалась и не смотреть на меня... Тогда я решила, что ее заставили в те несколько минут, когда квартира погрузилась в темноту, исчезнуть, испариться и умчаться к Рожковым... Кому-то нужно было убить Захара, и они убили, потом приказали Берте поехать ко мне (или даже сами привезли ее на Садовническую) и попросить меня помочь ей скрыть следы преступления... «Белка, открой, немедленно открой... Проснись! Открой, я убила мужа, я убила Захара, убила... Белка, помоги мне, не бросай меня, мы должны его спрятать... Он не дышит. Я ударила его в живот и, кажется, в грудь, где сердце... не бросай меня, я не хочу в тюрьму, ведь ты же не бросишь меня?» Только человек с куском льда вместо сердца может забаррикадировать свою дверь и сделать все, чтобы даже не слышать воплей своей лучшей подруги. Но у меня-то с сердцем все в порядке. Оно живое, бьется, разливает по моему телу не только кровь, но и кормит мой мозг любовью, преданностью, жертвенностью... Я не могла не открыть моей Беатрисс. Распахнула дверь, и она, едва стоя на ногах, упала в мои объятия. Она рыдала (благо я успела закрыть дверь, чтобы ее воплей не было слышно за пределами моей квартиры), уткнувшись лицом в мое плечо и вытирая нос и распухшие от слез глаза о мою пижаму (я уже спала – половина четвертого как-никак!), заикаясь, твердила, что зарезала Захара, убила его, что они поссорились, она не знала, что творит, он довел ее, он умеет это делать, ведь он профессионал в своем деле. Знает, как сделать больно... Я не верила ей, мне казалось, что она просто перебрала. Хотя Беатрисс почти не пила, пить не умела, а выпив, хохотала как ненормальная, ее приходилось откачивать... Нервы у нее, чего уж там, были ни к черту.

– Поедем со мной, умоляю тебя, мы затащим его в машину, в подъезде тихо, никто ничего не услышит и не увидит... Завернем в большое шерстяное одеяло...

– Ты уверена, что он мертв? – засомневалась я не столько в том, зарезала ли она его насмерть, а в том, не приснилась ли ей эта дикая сцена с убийством.

– Белка, ты думаешь, что я сошла с ума? Говорю же тебе, – она вцепилась руками в мои плечи и теперь держалась, словно боясь потерять равновесие и упасть, – я убила его...

И тут она заскулила, опустила на пол и обняла мои колени. Теперь ее слезами стали пропитываться мои пижамные штаны.

– Подожди, дай одеться, поднимись, возьми себя в руки... Пойдем на кухню, сейчас я сварю кофе, мы посидим, поговорим, и ты мне все расскажешь...

И тогда она встала, и так стояла передо мной, покачиваясь, в светлой своей распахнутой шубе (был февраль, на волосах ее уже успели растаять снежинки), и смотрела на меня невидящими глазами, пока до меня наконец не дошло, что она говорит правду.

Через несколько минут я была одета и готова к тому, чтобы сопроводить Беатрисс до дому. Я сама села за руль ее машины, понимая, что она сейчас угробит, убьет и меня, влетит в столб, в другую машину, сорвется с заснеженного моста...

Я почти не спала в ту ночь, в поезде. Мне постоянно казалось, что вот сейчас я проснусь и снова окажусь на своей жесткой и скрипучей койке в камере. Не могла не курить, хотя и понимала, что теперь надо будет отвыкать от этой привычки. У меня были хорошие сигареты. Перед сном я заглянула в вагон-ресторан, чтобы вкусно поужинать и купить сигарет.

Сигареты купила, а вот относительно ужина дала маху – с каких это пор в вагонах-ресторанах хорошо кормят? Я побоялась брать бифштекс, заказала селедку с картошкой, сто граммов коньяку и галеты с кофе. Очень боялась, что разболится живот. Но селедка оказалась свежей, хотя и пересоленной. Картошка холодная, ну и бог с ней. Галеты могли бы пролежать в недрах ресторанной кухни (а также на таежной заимке или в деревенском магазине под Ртищевом) еще сто лет – такой вот уникальный рецепт...

Может, от крепкого кофе, может, от крепкой сигареты, не знаю, но я вся извертелась под тонкой простыней, извиваясь всем своим похудевшим телом в поисках удобной позы.

Я снова вспомнила Захара, тот зимний вечерок...

Он открыл мне дверь, и я поняла, что он несказанно рад моему приходу. Он аж засветился весь.

– Белла, привет, ужасно рад, а Берты нет, снова у этих... Надоело, честное слово... Давай-ка твою шубу... Как дела? Поужинаешь со мной?

Я как дура начала рассказывать ему про Марка. Он и без того знал, что у нас странные отношения, что я сама все испортила, с самого начала, что выдумала несуществующего мужа, а Марк ждет, когда я объясню ему все...

– Но он же взрослый мужчина, неужели он не понимает, что я все это придумала? Он отлично знает, что никакого мужа нет, что я живу одна, что я извелась вся, что я люблю его, наконец!

– Не все мужчины так решительны... – осторожно и, как мне показалось, немного отстраняясь от меня, хотя мы и так сидели довольно далеко друг от друга на диване (по телевизору показывали ночную жизнь животных: сов, мышей, ежей, лисиц, диких кошек...), произнес Захар. – Может, он ждет именно от тебя какого-то шага, ведь ты же сама выдумала этого портного...

– Закройщика, – поправила я его, и мы расхохотались.

Потом я разогрела курицу, сделала салат из креветок и грейпфрута.

– А как у вас с Беатрисс? – спросила я самым невинным тоном. Зачем спросила, когда и так знала, что у них все хорошо, а если бы она забеременела, то более счастливой пары не нашлось бы во всей Москве и за ее пределами. (Разве что мы с Марком после того, как я призналась бы ему в том, что не замужем.)

– Ты же знаешь, что Беатрисс никогда не любила меня, – вдруг услышала я и от такой откровенности уронила вилку.

– Как? Почему? Что ты такое говоришь? Беатрисс обожает тебя... Захар, ты же знаешь, она... она только с тобой... Она ни разу тебе не изменила.

Это было, пожалуй, единственное мое предательство по отношению к тебе, моя Беатрисс. Но не каждый распознает в этой короткой последней фразе намек на твою бурную молодость, на скрытые возможности твоей женской натуры. И ты действительно была верна своему Захару. С того самого момента, как надела подвенечное платье. Или я ошибаюсь?

– Она изменила мне с другим мужчиной, – сказал Захар.

– Не может быть!

– Может. Спроси ее, да только тебе она ничего не расскажет.

– Захар, ты напрасно так... Она бы рассказала мне.

– Вот как раз тебе и не скажет. За тебя! – Он поднял бокал с вином и посмотрел мне в глаза. – Изабелла, она сегодня не придет ночевать... Может, ты составишь мне компанию?

...Я опустила голову. Не знала, как отнестись к словам Захара. Он сидел передо мной такой красивый, с сияющей при свете лампы шапкой кудрявых волос и не сводил с меня глаз. Он любил Беатрисс, он не мог вот так предложить мне переспать с ним, он не такой человек. Значило ли это, что он предлагает мне просто остаться ночевать в его доме, в их с

Беатрисс квартире? Но вдруг она вернется, как мне себя вести? Поверит ли Беатрисс в то, что я одна сплю в ее кровати, а в другой комнате расстелен диван для ее мужа...

– Я позвоню сейчас Рожковым, уточню на всякий случай, чтобы ты не волновалась... Но мне правда не хочется тебя отпускать... Знаю, как ты дорожишь вашей дружбой, потому и позвоню...

Он позвонил, и я, находясь рядом с ним, собственными ушами услышала, как Беатрисс отпрашивается у него, говорит, что у одного из мальчиков температура, что Людмила попросила ее помочь ей уложить второго...

– Она почти живет там. Бесплатная нянька. А ведь могла бы сама родить.

– Она не может! – возмутилась я.

– Ты загляни в ее сумку – коробочку там видела?

– Она продолжает их пить?

Вместо ответа он развел руками. Это было для меня открытием.

– Говорю же, она изменяет мне...

– И ты знаешь с кем?

– Догадываюсь.

– И что же?

– Жду развязки...

После звонка Рожковым я должна была успокоиться, но я, напротив, разволновалась еще больше. Мы были словно преступники, любовники, хотя нет, пока еще не любовники, но собирающиеся ими стать, а это было еще острее...

Мы сидели – я на диване, он в кресле напротив – и смотрели друг на друга. На мне было глухое платье, но мне казалось, что я раздета. Захар был в широких домашних серых брюках, тонком черном свитере. Я чувствовала его, понимала, но не знала, как мне теперь себя вести, тем более что я как бы согласилась остаться с ним.

– Ты боишься меня? Чего именно? Того, что может между нами произойти или, наоборот, не произойти? Ты же мастер играть в такие игры...

– Мне и так плохо, – вздохнула я. – Я не собиралась играть в эти игры...

– В прошлый раз ты мне рассказывала, как вы с Марком провели ночь в гостинице...

Я действительно рассказывала ему о нас с Марком, мне просто необходимо было с кем-то поделиться. Нет, не так. Я всегда рассказывала ему о нас с Марком. Потому что больше было некому. Беатрисс и так смеялась над нашими с Марком отношениями. Но не могла же я первая...

– У тебя есть еще мужчина? С которым у тебя нормальные отношения? Я имею в виду обычного партнера.

– Нет, у меня никого нет, кроме Марка.

– Белла, так не бывает...

– Бывает... Я люблю Марка, а он любит меня.

– Предлагаю тебе представить себе, что ты с Марком и что ты первая делаешь шаг... Ну? Мы же давние друзья, никто ничего не узнает... – Его взгляд проник в меня, достал до самого дна и свернулся там в клубок, возбуждая меня.

Я закрыла глаза. Да, я себе могла представить, что я с Марком, потому что и с Захаром мне было так же спокойно и легко, как с ним. Но Захар был мужем Беатрисс, а потому я не могла позволить себе увидеть в нем мужчину. Но теперь Марк был далеко, Беатрисс ставила градусник младенцу, а мы с Захаром находились одни в большой тихой квартире.

– Не можешь? Хорошо, тогда представь себе, что я – Марк и что я первый обнимаю тебя...

Он сел возле моих ног на пол, и я обхватила ладонями его голову. Затем я тоже опустилась на ковер и почувствовала, как Захар целует меня, властно, не как Марк, не так нежно, а грубовато, до боли... Я задыхалась.

Тогда он подхватил меня на руки и отнес в спальню. Пока он стаскивал с меня узкое платье, я не открывала глаз.

Потом я попыталась вырваться, но Захар поймал меня и подмял под себя, придавил бедром; я напряглась вместо того, чтобы расслабиться, и вдруг услышала:

– Помнишь, там, в больнице, на Волге...

Как забыть такое. И как признаться себе, что я хотела тогда быть и с Марком, и с Захаром, что таких мужчин я никогда в жизни не видела и больше не увижу. Разные и похожие, одинаково притягательные... Не попала ли я тогда в капкан, расставленный мне Беатрисс? Не потому ли я сегодня лежу в постели с Захаром, что он – муж Беатрисс? А то, что имеет к ней отношение, не может оставить меня равнодушной.

– Помню. Ты выбрал Беатрисс...

– Нет, это ты выбрала Марка. Ты глаз с него не спускала.

– Неправда!

Но я не могла сказать ему всей правды. Не могла признаться в том, что хотела бы прожить сразу две жизни – и с Марком, и с ним.

– Правда.

– А ты выбрал Беатрисс!

– Не называй ее так. Она Берта. Моя жена. И я люблю ее... А она меня – нет.

Я закрыла глаза. Сейчас он, прикрыв мое лицо, овладеет Беатрисс... Я не знала, радоваться мне или нет. Видимо, у него с женой разладилась половая жизнь, и он вероломно решил воспользоваться моей нерешительностью и повышенной возбудимостью (три года воздержания!), чтобы получить свое. И я была уже, признаться, готова к тому, чтобы побыть хотя бы немного Беатрисс... Но ничего не случилось. Он оторвался от меня, словно ему только что по телефону сообщили, что я его родная сестра или, хуже того, брат...

Я встала, молча оделась, заказала такси и уехала.

Глава 5

Я вышла из вагона самая последняя – не было сил признаться себе в том, что мне стыдно появиться перед Марком в таком вот постэзковском виде. Я увидела его сквозь грязное оконное стекло много раньше, чем появилась на выходе. Он, не выдержав, сам пошел в вагон. Увидел меня, прижатую к котлу (проводница как раз собиралась выставить меня, последнюю свою пассажирку, вон), кинулся ко мне и обнял. Покрывал короткими поцелуями мое лицо, гладил свободной рукой (во второй он держал букет) мои взъерошенные волосы.

– От тебя остались только глаза, – констатировал он уже в машине, качая головой и, видимо, ужасаясь тому, в каком я виде. – Но главное – тебя оправдали, отпустили.

– А кого вместо меня посадили?

– Да психа одного подозревают, – отмахнулся он, внимательно следя за дорогой. – Надеюсь, ты не против, если мы поедем ко мне? Я был у тебя, прибрался, как мог, чтобы квартира приняла жилой вид, полил, как обычно, цветы...

Он поливал мои растения! Это было так трогательно. Значит, они не умерли...

– Марк, ты прости меня. – Я уже хлюпала носом, и он машинально протянул мне свой совершенно чистый и глаженный клетчатый платок. – Я морочила тебе голову целых три года.

– Нет, это ты прости меня, что вел себя как идиот. Думаешь, я ничего не знал? Знал, конечно, мне и Захар говорил...

– Говорил?

– Я пытал его, еще в самом начале. Пойми, он был моим лучшим другом. Но и ему было трудно понять меня, мою нерешительность...

Он вдруг резко затормозил, повернулся ко мне и, схватив меня за шею, притянул к себе, посмотрел в глаза.

– Если бы ты знала, как я истосковался... Целых три месяца...

– Три года и три месяца. – Я нежно поцеловала его в лоб.

– Не могу наглядеться. – Он снова стал покрывать поцелуями мое лицо. – Оторваться нет сил... Но как же ты изменилась, как похудела, у тебя нездоровый вид... Если ты не против, мы на следующей неделе поедем с тобой на море, ты отдохнешь, наберешься сил...

– Я не против. Поехали...

Машина мчалась по Садовому кольцу, я с новым чувством разглядывала проплывающие мимо меня московские дома, сверкающие на солнце витрины магазинов...

– Что Беатрисс? Как она? Ты виделся с ней?

– Конечно, виделся. Если бы ты только знала, как у меня руки чесались... Вот скажи мне, как могла ты повести себя так... Да и меня, как твоего адвоката, поставила в дурацкое положение. У нас с тобой не было ни одной зацепки, ты выдумала какой-то ночной звонок...

– Марк, мы уже тысячу раз говорили об этом. Ты мне скажи: как случилось, что меня отпустили? Это ты постарался или все-таки нашли настоящего убийцу Захара?

– Белла, на ноже с кровью Захара нет отпечатков твоих пальцев. К тому же неясно, кто позвонил и сообщил об убийстве. Какая-то женщина... Словно тебя подставили. А следователю тогда во что бы то ни стало надо было кого-то посадить, чтобы закрыть дело. Ведь ты знаешь, как это все делается... А Берта что? Она просто испугалась, вот и все. Рожкова подтвердила ее алиби. Берты не было в квартире, когда убивали ее мужа, понимаешь? Вот и все. А ты была.

– Значит, это она?

– Говорит, что нет.

– А деньги? Она прислала мне через какого-то мужика деньги, телефон, просила у меня прощения...

– Мы никогда не узнаем, кто убил Захара. Зачем ей было убивать его, когда он не мешал ей жить так, как ей хотелось? Смысла не было. Скорее всего, она приехала поздно от Рожковых, обнаружила труп, испугалась, приехала к тебе...

– Но зачем тогда ей было говорить, что это она убила его?

– Понятия не имею.

– Почему ты не веришь, что это она могла убить Захара?

– Да потому, что она – женщина, понимаешь? К тому же она любила его...

– А мне Захар говорил, что она изменяет ему с другим мужчиной. Возможно, между ними произошла ссора... Ох, не знаю... – У меня от этих воспоминаний и мыслей начинала болеть голова. – Марк, потом о Беатрисс... Не хочу.

– Что ты хочешь прямо сейчас, когда мы приедем?

– Кофе. Горячего кофе с молоком.

– Знаю, у меня и молоко есть, и кофе первоклассный. Подожди еще минут десять, и мы прибудем на место... Как же я рад, что ты снова со мной...

– Это правда, что у тебя кто-то есть? – спросила я Беатрисс на следующий день после того, как сбежала от Захара. Я сидела на том же самом диване, что и ночью, когда Захар откровенно соблазнял меня, и испытывала стыд перед сидящей напротив меня Беатрисс.

– Кто тебе сказал? – возмущенно простионала она, стряхивая пепел со своей тоненькой сигаретки. Розовые коготки ее сверкнули в лучах бледного зимнего солнца. Шторы были распахнуты, форточка – тоже. По комнате гулял морозный, сладкий, дынный воздух. На мне был теплый джемпер, Беатрисс же сидела в фиолетовом шелковом халатике, на голой, ослепительно белой ножке покачивалась крохотная бархатная домашняя туфелька.

– Не простинешь? – заботливо спросила я, все еще чувствуя вину за разыгранный здесь ночью эротический спектакль.

– Нет, мне не холодно. Так кто тебе сказал, что у меня кто-то есть?

– Никто. Подумай сама, ну кто бы мог мне об этом сказать? В том-то и дело, что выглядишь ты как честная домашняя курочка, время от времени играющая с чужими цыплятами...

– Так оно и есть, – спокойно, однако не глядя мне в глаза, ответила она. – Нет у меня никого.

– Но твой взгляд... – Я все придумывала на ходу. Если бы Захар мне не сказал, мне и в голову бы не пришло, что у моей подружки завелся хахаль. – Он выдает тебя с головой.

– Знаешь, у меня хороший муж, от таких не гуляют. Белка, что ты от меня хочешь? – Тут она посмотрела на меня, и взгляд ее был такой же холодный, морозный, как и воздух в комнате. – Откуда просочилась эта гадость? Кто хочет поссорить меня с Захаром?

– Значит, мне показалось. – Я не хотела злить ее, да и к чему мне было знать о тайнах подруги. Захочет – сама все расскажет. Позвонит, пригласит к себе, посадит вот так же, как сейчас, напротив себя, нальет кофе в чашку и поделится всем, что накопилось.

– У меня сосед есть, – произнесла она загадочным тоном и с улыбкой покосилась на меня. Беатрисс, как же я хорошо знаю этот лукавый взгляд! – Ему под пятьдесят. Интересный такой. Худой, высокий, когда видит меня, останавливается и смотрит как загипнотизированный, у него, я думаю, сердце останавливается...

Я вспомнила университетскую голоногую Беатрисс, цыганящую сигаретки на кафедре, стреляющую своими изумрудными глазами и постукивающую (в нетерпении сорваться куда-нибудь подальше отсюда, от нудных лекций и семинаров) каблучками по старому паркету... Тот же взгляд – похоть плюс готовность уступить каждому, кто ее желает. Трудно поверить, что женщина с такой безупречной внешностью может быть неуверена в себе и так радуется каждому оказанному ей знаку внимания.

– Он женат? – Я решила немного остудить ее. – Беатрисс...

Как же она любила, когда я ее так называла! Никто и никогда не будет уже называть ее так... Это наш и только наш, скрепленный многолетней любовью и обожанием контракт. На всю жизнь.

– Да, – поскучилась она. – Женат, но жена его живет в Киеве, у них взрослые дети, есть внуки... Да и вообще какое это имеет значение, если он просто без ума от меня?.. Он приглашал меня в гости.

Я не собиралась подгонять и направлять ее при помощи наводящих вопросов, я молча и терпеливо ждала, когда же она выплеснет этот приторный мед (яд?) очередной любовной истории в мою чашку с остывшим кофе...

Мое молчание раздражало ее, ну не говорить же о двадцатиградусном морозе, ценах на бензин или, начав рассказывать о своем намечающемся романе с соседом, переключиться вдруг на наши извращенческие отношения с Марком?! Это было бы нелепо, глупо, невежливо, наконец.

– Понимаешь, я люблю Захара, но сплю с соседом, – вдруг выдала она и шумно вздохнула. – Звучит пошло, я знаю, но зато сосед часто бывает дома, мне с ним так интересно... Он объездил весь мир, кажется, геолог... У него в квартире разные сувениры, африканские статуэтки, маски, головка Нефертити из золота, серебряные вазы, а на полу – шкура зебры... Иногда мы с ним смотрим фильмы, мне с ним хорошо, к тому же совсем рядом... на одной лестничной площадке. Захар никогда не догадается...

– Ты поэтому продолжаешь принимать это? – Я кивнула на лежащую на ковре красную замшевую сумочку Беатрисс, как будто она была прозрачной и я могла видеть там таблетки.

И она купилась на это. Виновато улыбнулась мне и пожала плечами.

– А Захару вчехляешь, что не можешь забеременеть от него?

– Зачем моему ребенку такой отец, которого никогда не бывает дома? – вдруг взорвалась она. – Я, значит, превращусь в няньку, домработницу, повариху в одном флаконе, а он будет продолжать набирать дежурства?

– Беатрисс, успокойся, ты же сама понимаешь, что он иначе не может, он хирург, он спасает человеческие жизни! Если ты не любишь его, не можешь с ним жить, так разведитесь, освободи его...

И тут она бросила на меня такой взгляд, словно я была ее давней соперницей, змеей, вползшей в ее дом с единственной целью – отобрать у нее Захара. И теперь вот под благовидным предлогом затеяла разговор о разводе, о том, чтобы она освободила мужа, другими словами, отдала его мне...

– Ну уж нет, я никогда с ним не разведусь. – Мочки ее ушей стали малиновыми, а щеки – совершенно белыми. – Только через мой труп.

– Я не то хотела сказать...

Но было уже поздно. Если бы Захар присутствовал при нашем разговоре, она бы схватила его, как тряпичную куклу, и тотчас, по-детски, судорожным движением прижала к груди, утопив свои коготки в его теле... Не отдам, даже и не надеюсь. Неужели она почувствовала что-то? Неужели внутри ее красивого, слегка располневшего тела находилась невидимая антенна, способная уловить волны измены, исходящие от принадлежащего ей мужчины? Ведь если бы я вчера не сорвалась и не уехала, мы провели бы несколько часов в их супружеской постели, как старые друзья, как новые любовники.

– Скажи, тебе нравится Захар? – припечатала она свой неожиданный вопрос прямо мне в лоб. – Белка, только говори чистую правду.

– Да, мне всегда нравился Захар, – призналась я. – Но Марка я люблю. Вот и вся разница.

– Умница ты моя. – Беатрисс достала еще одну сигарету и с мечтательным видом закурила.

Глава 6

– Изабелла (господи, вот ведь имечко!), говорите. Как видите, адвокат ваш при вас, так что объясните, каким образом вы оказались в квартире убитого.

Марк, заспанный, но чрезвычайно, до трагичности серьезный, как если бы это его обвиняли в убийстве, смотрел на меня с мольбой. Он успел предупредить меня, чтобы я не вздумала наговаривать на себя, чтобы рассказала все как есть, что ко мне ночью приехала Беатрисс... Но что он мог знать, он, мужчина, пусть даже и близкий мне человек, о моих отношениях с Беатрисс. Как я могла выдать ее, вот так, с маху, с головой, с ее прекрасными, цвета подсвеченной солнцем морской воды, удивительными глазами... Нет, я никогда не грешила лесбийской любовью к моей подруге, я обожала ее, искренне восхищалась ею, как существом, превосходящим меня во всем. Но чувство страха перебило, перехлестнуло через край в ту роковую ночь, когда она, как испуганная зеленоглазая кошка, перемахнула через забор, оставив меня внизу, на съедение собакам... Не смогла, не выдержала, не протянула лапу, зная наперед, что потом всю оставшуюся (недолгую, скажу сразу) жизнь будет раскаиваться в содеянном и задавать себе вопрос: почему поступила так?.. Зато я отлично знала ответ на этот вопрос. Потому, моя Беатрисс, что в трудную минуту ты привыкла обращаться именно ко мне, зная, что я помогу, спасу, вытащу тебя за волосы из любой передраги и пожертвую ради тебя всем...

– Он позвонил мне, – произнесла я не своим голосом, стараясь не смотреть на Марка.

– Кто? – словно бы проснулся следователь, столбик пепла свалился в замызганную фарфоровую пепельницу. – Кто позвонил вам?

– Пожаров, – я сглотнула. – Он позвонил мне и сказал, чтобы я срочно приехала, что это очень важно...

Я лгала. Но лгала так, что даже Марк (как потом выяснится) поверил мне и вытаращил на меня глаза. Новички всегда лгут гениально.

Скажи я, что мне звонил женский голос, можно было бы заподозрить Беатрисс. Спасти ее – вот какая задача стояла передо мной в те дни, когда я напрочь забыла о реальной опасности, нависшей над моей собственной головой. Наверняка без меня и Марка найдутся не зависящие от нас факты, подтверждающие мою непричастность, ведь это же не я всаживала нож в тебя, Захар... Я до последнего часа, до суда, все еще надеялась на то, что меня, невиновную, отпустят. Выпустят из зала суда с букетом ромашек.

– В котором часу это было?

– Приблизительно в три часа, не помню точно...

– Его убили в это время. – Следователь со злостью раздавил в пепельнице ни в чем не повинный окурочок. – Значит, вы хотите сказать, что он позвонил вам перед самой своей смертью... И что же дальше?

– Вы не можете знать точно время его смерти, его же только что увезли, ну, пусть даже пару часов назад... – За окнами маячил абрикосовый февральский рассвет. Мы подняли Марка с постели. – Я тем более не знаю, когда его убили. Приехала по звонку, вошла в квартиру. Везде горел свет. Я увидела его, закричала, а потом свет погас... Надо ли говорить, что в квартире помимо меня был кто-то еще, кто и выключил свет и кто позвонил в милицию и сообщил об убийстве... Кто звонил? Мужчина? Женщина?

– Женщина. Она сказала, что живет в этом доме и что слышала крики, кричала тоже женщина...

– И что же она кричала? – усмехнулась я тому, что уже не следователь, а я задавала ему вопросы. – «Помогите, убивают»?!

– Она сказала, что в квартире произошло убийство, что так кричат, когда убивают...

– Возможно, она слышала мой крик, – предположила я, хотя я на самом деле не кричала. Даже когда погас свет, ведь именно это-то обстоятельство и позволило Беатрисс скрыться. – Я была в квартире всего несколько минут – вы не могли бы так быстро приехать. Уверена, что милицию вызвали до того, как я вошла в квартиру. Меня нужно было подставить, вот и подставили. Подкинули в карман моей куртки нож. Вряд ли я, совершив такое зверское убийство, оставалась бы в квартире, да еще и с ножом в куртке.

Я с презрением посмотрела на следователя. Не слишком ли примитивно, господин следователь, вы ведете следствие? Если бы так вот хватили всех, кто окажется с ножом в руках (кармане, сумке) на месте преступления, то у вас была бы стопроцентная раскрываемость, премии опять же...

Я повернула голову и встретила глазами с Марком, который спрашивал меня взглядом, зачем он мне понадобился, если я сижу вот тут и наговариваю на себя... Разве не понятно, милый Марк, что мне нужно было просто время на обдумывание ситуации? И этого часа, пока ты добирался до прокуратуры, мне вполне хватило на то, чтобы собраться с мыслями. Прости меня, что действовала самостоятельно, я не могла, пойми ты, не могла выдать Беатрисс...

– Получается, – между тем размышлял вслух незадачливый следователь, – Пожаров позвонил вам, когда почувствовал нависающую над ним опасность... Кто-то еще был в квартире, возможно, даже убийца. Он впустил его в дом, но потом что-то случилось, может быть, ссора... И он позвонил вам.

– Я не знаю, что случилось, но я тотчас приехала...

– На чем вы приехали?

– На машине, – удивилась я. – На чем же еще?

Понятное дело, я откровенно издевалась над ним, чтобы вывести его из себя. Что еще оставалось мне делать в моем положении, когда я теряла даже Марка?! Я была уверена, что он откажется от моей защиты.

– Вы взяли такси?

Такси при большом старании можно вычислить.

– Нет, я остановила первую попавшуюся машину, даже не помню марку, – отрезала я все пути к установлению истины.

– Скажите, что вы подумали, когда он вам позвонил? Вы ничего не предполагали, пока ехали к Пожарову?

Я вспомнила опухшие глаза Беатрисс, когда она взмолилась, чтобы я поехала с ней. Видел бы он, следователь, ее прекрасные, полные слез глаза, он бы сам не выдержал, приехал бы сюда, упаковал тело Захара в ковер и вывез на собственной машине на какой-нибудь пустырь...

– Предположила, что Беатрисс...

– Постойте, кто?

– Я сказала, что подумала в первую очередь о моей подруге Берте, о том, что она заболела, – убитым голосом проговорила я. – А что еще могло случиться в этой семье? Захара и Берту я знаю давно, это мои друзья...

И только сейчас до меня стало доходить, что я больше никогда, никогда не услышу твой голос, Захар, не увижу твоих умных ироничных глаз, не почувствую на своей коже твоих ласковых рук... Как же я пожалела тогда о том, что в тот, словно выпавший из нашей обычной жизни, синий морозный вечер бросила тебя, что не осталась в твоих руках, не доверилась тебе... Ведь никто, ни одна душа никогда не узнала бы об этом. Я любила тебя, очень

любила, но ты всегда казался мне недостижимым и немного чужим, принадлежащим той, что была мне дороже всех... Когда я видела тебя, у меня всегда перехватывало дыхание, и я, глядя на тебя и на не видящую и не ценящую тебя легкомысленную Беатрисс, молила бога о том, чтобы она наконец встретила мужчину, которого бы полюбила по-настоящему, а не в отместку мне... Ведь мы все, все четверо – ты, я, Марк и Беатрисс – еще там, в ординаторской провинциальной больницы, словно договорились разбиться на пары именно так, как и соединились уже в Москве... Это ли не случай? Это ли не одетое в строгие (пусть будут свадебные) одежды желание постоянно видаться всем вместе! Мы все любили друг друга, нам было хорошо вместе, что бы мы ни делали, даже когда собирались просто посидеть за бутылкой вина или пошляться по ночным московским улицам... А помнишь, Захар, как Марк ходил на руках прямо на Красной площади, на Первомай, ночью?! А Беатрисс, сломав каблук, плакала, но бежала за ним, спотыкаясь и прижимая к груди туфлю... Смешная. Вас сейчас нет с нами, и я зажимаю ладонью рот, чтобы не закричать от понимания необратимости случившегося... Я очень надеюсь, что там, в другой жизни, вы, встретившись, снова будете вместе и станете с нетерпением поджидать и нас с Марком... Боже, что я такое говорю! Но это я сейчас знаю, что ты скоро уйдешь от нас, Беатрисс, а тогда я этого еще не знала, но все равно оберегала тебя, и ты это знаешь, Беатрисс, надеюсь, что ценишь... Не знаю, зачем я тогда приняла эти деньги? Может, из страха, что Марк меня забыл и не встретит?..

...Квартира Марка сияла чистотой. Он наполнил ванну теплой водой, сыпанул туда морской соли и, смущаясь, как школьник, отвернулся, пока я раздевалась.

– Марк, если бы ты знал, как жалко мне своих волос, – с горечью поделилась я с ним, как с близким человеком, разглядывая себя в зеркало. – Ни тела, ни волос...

И тут он, опрокидывая какие-то пакеты с фруктами, которые прочему-то стояли в передней (апельсины бильярдными шарами раскатились по ковру в разные стороны), зацепив ногой мой рюкзачок, бросился ко мне, схватил, невесомую, уставшую от ожидания, и отнес на руках в спальню, где он, сходящий с ума от предвкушения встречи, предупредительно, должно быть утром, откинул край покрывала и взбил для нас подушки...

Сцена, которую мы репетировали в течение трех долгих лет (и повторенная, с небольшими отступлениями, с Захаром), закончилась, во всяком случае для меня, небольшим разочарованием. Страсть изменила Марка, исказила его черты, к которым я так привыкла, сделала его безумным, неумным, и мне подумалось тогда, что все время, что мы мучили друг друга, у него была еще одна женщина, нормальная, как сказал бы Захар, партнерша... И вместо того, чтобы улыбнуться своему возлюбленному, оценив его по достоинству и сдунув со лба влажную прядь волос, отправиться наконец в ванную, я, подобрав под себя ноги и обняв их, сиплым от волнения и негодования голосом произнесла это оскорбительное для него предположение.

Он стоял ко мне спиной, глядя в окно, за которым потемнело от приближающейся грозы. Даже стекла окон стали лиловыми, толстыми...

Пошел дождь, и Марк стоял и смотрел, как крупные капли стекают по стеклам. Возникла пауза, во время которой я многое успела передумать. Во-первых, я решила для себя никогда больше не быть с мужчиной настолько откровенной, как сейчас. Не пристало улитке покидать свой дом. Так же и с людьми. Но и просить прощения второй раз за день я тоже не могла... Марк, нерешительный Марк продолжал стоять спиной ко мне, и я с любовью разглядывала его гладкую спину, стройные, поросшие темной кудрявой шерстью ноги. Раздумывал ли он над тем, стоит ли ему раскрывать мне свою мужскую тайну или нет? И как я отнесусь к тому, если вдруг узнаю, что он спал со своей соседкой (как, к примеру, Беатрисс) или коллегой по работе?

Он, словно придя в себя, вдруг резко повернулся и, увидев меня, закрыл ладонями лицо.

– Неужели ты здесь? У меня? – Он весь прямо светился радостью.

– Марк, я задала тебе вопрос... – Эти слова вырвались помимо моей воли. Словно кто-то внутри меня захотел быть последовательным и узнать все до конца.

– У меня никого не было, если ты об этом... Какой смысл тогда мне было встречаться с тобой?

А какой ответ я ожидала еще услышать?

Он, внезапно вдруг застыдившись своей наготы, оделся и проводил меня в ванную.

– Можно, я посижу на краешке ванны, посмотрю, как ты моешься?

Я снисходительно позволила. Знала, что стану его женой, что с этого дня все буду делать в присутствии Марка, и меня это, как ни странно, не напрягало. Напротив, я вдруг поняла, что радуюсь тому, что теперь никогда не буду одна, что моя жизнь обретет новый смысл и я рожу Марку детей.

Глава 7

Пока шло следствие, я сидела в камере и ждала, что меня вот-вот освободят. На ноже не было отпечатков моих пальцев, наверно, это запуганная до смерти Беатрисс подняла его с пола и сунула мне в карман куртки. Знала, что я выкручусь, что меня, наконец, спасет Марк. А кто бы спас ее, если бы она призналась в том, что убила Захара? Да никто. Захар был слишком заметной и положительной во всех отношениях фигурой, чтобы предположить ту степень семейного скандала, которая допускает поножовщину. Если бы Беатрисс застала его, к примеру, с любовницей и убила обоих, ее бы, может, и оправдали. Но Захар лежал в спальне на полу одетый, как если бы он только что вернулся с работы. Людмила Рожкова обеспечила своей подруге железное (пропитанное запахом молочной отрыжки) алиби. Кому понадобилось убивать Захара?

– Это правда, что вы были любовницей Захара Пожарова?

Очередной допрос. Очередные скучные, бесплодные вопросы.

– Нет, я никогда не была любовницей гражданина Пожарова. Берта – моя лучшая подруга...

– Подумаешь, подруга... Да я сколько угодно знаю таких случаев, когда мужья лучших подруг...

– Меня не интересуют эти ваши истории. Мы были друзьями. К тому же у меня есть любимый человек.

– Адвокат. Понятно. Это мы знаем.

– Может, отпустите? Ну что я вам такого сделала? Захара не убивала, нож мне подкинули...

– Вы шутите, что ли?

Мне казалось, что такие допросы можно вести годами, десятилетиями, веками. Мне не в чем было признаваться, а у следователя иссякли вопросы. Марк уже махнул на меня рукой, понимая, что я все равно буду до последнего покрывать Беатрисс.

– Почему ты это делаешь? – спросил он меня еще в самом начале, когда следователь отлучился и у нас была возможность перебраться парой фраз без свидетелей. – Думаешь, это она?

– А кто еще, Марк? Думаю, что она была не в себе, произошла ссора... У нее в последнее время нервы шалили...

– Это правда, что у нее был любовник?

– Понятия не имею.

– Да разве ты скажешь, – усмехнулся он, понимая всю бесполезность подобных вопросов. – Но если это она, значит, была причина. Я бы мог ее защищать.

– Нет, Марк, не мог. Захар слишком положительная фигура, чтобы его можно было в чем-то заподозрить.

– Но в твоей куртке, между прочим, нашли нож!

– Ничего, я выкручусь.

– Вы с ней, случаем, не любовницы?

Он сказал это со зла, не зная, что бы еще такое сказать, чтобы привести меня в чувство.

– Понимаешь, для убийства нужен мотив, причина, а у меня всего этого нет. Я вообще нейтральный человек. – Я, все еще не чувствуя реальной опасности, продолжала стоять на своем.

– Это тебе так кажется. Захар любил тебя, между прочим...

Мне стало не по себе. Захар убит, и услышать от Марка о том, что Захар любил меня, было все равно что получить подарок с того света.

– Откуда тебе это известно?

– Он сам говорил мне. Да это и так было видно. Особенно мне... Он как-то спросил, почему мы до сих пор не женаты, и знаешь, я не знал, что ему ответить... Тогда он мне сказал такую фразу: «Старик, смотри, потеряешь Изабеллу...»

– Неправда, он всегда любил Беатрисс... – вспыхнула я.

– Их не поймешь... Люблю – не люблю... Но ты снова ушла от ответа. Почему ты не хочешь рассказать следователю правду?

– Беатрисс дадут большой срок, и всю свою молодость она проведет в тюрьме. Она не выдержит там и дня. Она погибнет. Я ее знаю. Она изнеженна, она создана для другой жизни.

– А ты, конечно, создана для нар, баланды и прочей мерзости, да? А обо мне ты подумала?

Нет, не подумала. Говорю же, я до последнего момента, до оглашения приговора была уверена, что меня оправдают и выпустят. Но вместо этого вклеили семь лет женской исправительной колонии строгого режима. Мне, мне!!! Это было чудовищно. Помнится, я кричала что-то о Захаре, о том, что он был моим лучшим другом...

Сквозь пеструю муть присутствующих в зале суда выделялась яркая брюнетка в черном. Беатрисс даже на судебные заседания ходила одетая с иголочки, а губы ее горели пунцовыми вишнями. Я знаю, что она смотрела только на меня. Что она чувствовала, когда видела мое бледное лицо с воспаленными от недосыпания глазами? Просила у меня прощения или просила у меня помощи? Все слова, слова...

Она продолжала жить в своей комфортабельной квартире, принимать по утрам душ, намазываясь душистым мылом, пила на завтрак дорогой кофе, обедала в ресторанах, поскольку готовить теперь было не для кого... А я в это время пыталась научиться жить в нечеловеческих условиях женской колонии... Почему она ни разу не пришла ко мне? Боялась, что разрыдается и выдаст себя? Скорее всего, именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.